

ЛОГИКА И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

ТЕРМИН ДОКСОМА В ЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ СУЖДЕНИЯ

А.В. Нехаев

Омский танковый инженерный
институт им. П.К. Кошерева
Омск-98, 644098

В статье предлагается логико-семантический анализ доксомы — особого термина, выступающего в качестве имени собственного предмета повествовательных структур нормального языка, опосредованных логической формой мнения.

Проблема природы доксомы тесно связана с наиболее очевидным недостатком как дескриптивистских, так и эссенциалистских требований к нормальному языку, суть которых заключается в том, что любая повествовательная структура рассматривается как отображение, а точнее, отражение некоторой «сущности», или ингерентной структуры, присущей самому предмету повествования, что принципиально игнорирует особый познавательный статус мнения и специфику его логической формы. Так, если принять во внимание, что повествовательная структура нормального языка по своей сути является нарративно-оформленным мнением, иными словами, она есть специфический способ или специфические условия организации языковой и познавательной деятельности доксомента, как письменной, так и устной, которые, будучи опосредованными такой особой познавательной формой, как мнение, управляют сцеплением структур значения и обладают собственными принципами и правилами комбинации, то вопрос о природе терминов — доксом, которые входят в состав повествовательных структур нормального языка, опосредованных логической формой мнения, приобретает основополагающий характер, вынуждая в процессе детального логико-семантического анализа отказаться от трактовки доксом как простых модификаций теоретических понятий.

Следует понимать, что такие термины, как «революция», «контрреформация», «капитализм», «власть», а также им подобные, широко используемые в своих нарративах социально-гуманитарными науками, принципиально отличаются от теоретических понятий, которыми оперируют естественные и точные науки. Несмотря на то, что, безусловно, общей функцией и для теоретических понятий,

и для терминов, используемых социально-гуманитарными науками, является упорядочивание нашего опыта, тем не менее, имеется ряд принципиальных различий, отвергающих всякую возможность их взаимного отождествления. Прежде всего, необходимо отметить, что сторонники отождествления теоретических понятий и доксом предлагают считать имя собственное некоторой доксомы — « δ », например, «революция», как, впрочем, и весь этот термин в целом, то есть некоторую совокупность высказываний, определяющих значение « δ », чем-то вроде значка или ярлыка для вполне определенной совокупности вещей или положений дел в мире, указывая в качестве аргументации такого рода отождествления аналогию между функциями доксом и теоретических понятий, которые, подобно доксомам, также устанавливают определенное отношение между свойствами вещей, только в физической реальности. Однако имеются, по меньшей мере, два серьезных препятствия для такого рода отождествления.

Во-первых, ошибочно делать утверждение о том, что доксомы или определяющие их совокупности высказываний — мнения — должны иметь нечто общее с теоретическими понятиями, поскольку большинство последних определяются как произведение или частное от деления других теоретических понятий; в то же время доксомы никогда нельзя определять таким образом, так как бессмысленно говорить, что они должны или могут таким же образом определять друг друга в нарративно-оформленных мнениях. Причем подобные свойства теоретических понятий тесно связаны со структурой научной теории, которая обычно содержит в себе три основных элемента: абстрактное исчисление, набор правил соответствия, которые определяют отношение между теорией и эмпирическими наблюдениями, и интерпретацию. Утверждение о том, что любое теоретическое понятие с необходимостью предполагает наличие абстрактного исчисления, полностью согласуется с исследованиями, посвященными логическому анализу терминов в структуре теорий, которые тесно связаны с общей проблематикой «определенности терминов». Следует отметить, что определение как логическая операция может выявлять значение термина, описывая его через другие термины некоторой наличной совокупности высказываний. В этом случае определение является результатом анализа взаимосвязи исходных первичных терминов этой совокупности и, соответственно, основная задача состоит в поиске методов разрешения вопроса о том, можно ли некоторый данный термин определить через остальные термины, и, если это удастся, то, как следствие, исходное множество высказываний, по сути своей, является теорией, а вводимый термин — теоретическим понятием. При этом следует особо подчеркнуть, что любые теоретические понятия всегда подразумевают возможность использования принципа элиминированности, состоящего в том, что каждое предложение, в котором встречается определяемый термин, должно быть корректно переводимо на основании определения в другое предложение, в котором этот термин уже не встречается, а это, собственно, и предполагает наличие в некотором данном множестве высказываний — теории — абстрактного исчисления [7. С. 4—32].

Во-вторых, доксомы обычно соотносятся с совершенно конкретными историческими ситуациями, например, только один период в истории принято связы-

вать с термином «Славная революция» или «Контрреформация», в то время как «собственно теоретическая», и, если можно так выразиться, практическая ценность теоретических понятий заключается в их применимости к неограниченному числу исторических ситуаций. Следует отметить, что доксогенты, создавая свои описания, оперируют особым рода терминами — доксамами, без использования которых само нарративно-оформленное мнение как познавательная форма оказывается бесполезным. Однако использование доксом влечет за собой ряд важнейших следствий логико-семантического характера. Так, если в повседневной жизни вполне ясно, как с помощью идентифицирующих дескрипций следует выделять вещи, которым мы дали имена, то зачастую, по аналогии, возникает неверное допущение о том, что с доксамами в области нарративно-оформленных мнений дело обстоит похожим образом. Соблазнительная простота и очевидность такого допущения, согласно которому в ситуации, когда употребляется имя доксома — « δ_i », то всегда имеется в виду одно и то же, а именно обозначенное данным именем некоторое вполне определенное «общее понятие», или универсалия (1), суть которой заключается в выражении некоей «общей природы», то есть признании реального существования некоей « δ_i -ности», например, «революционности» как такого рода субстанциального свойства, или сущности, которые, как кажется, с необходимостью должны быть присущи любой «революции», а тот неопровержимый факт, что большинство из существующих по данному предмету мнений нередко «частично совпадают» друг с другом, подкрепляет эту неявную склонность, но это неудовлетворительное определение имеющейся ситуации. По сути, сходство между доксамами соответствует либо чисто омонимичному (2) сходству между именами предметов, либо сходству между субъектами, но не между свойствами субъектов, исключая те свойства, благодаря которым они являются теми же самыми субъектами; иными словами, подобного рода сходства отражают только сходства в процедурах использования языка разными доксогентами, но не отражают никаких сходств между вещами в мире. Как следствие, любая концептуализация посредством доксом содержит неопределенность, которая совершенно нетипична для единичных констатирующих высказываний об обычных вещах. Следовательно, если принять во внимание принципиальную омонимичность доксом, то необходимо отметить, что оперирование ими требует особого рода процедуры сертификации, когда некоторая доксама « δ_i » отсылает с помощью соответствующего сертификатора (3) — « $\Delta_1 \dots, \Delta_2 \dots, \dots, \Delta_n \dots$ » — к тому нарративно-оформленному мнению, в рамках которого она выдвигается, используется и удостоверяется.

Предложенная трактовка природы таких особых терминов, как доксома, находит подтверждение в ряде интересных аргументов, выдвинутых К. Айдукевичем при анализе понятийной системы нормального языка, отмечавшим, что, поскольку в своих рассуждениях доксогенты, как правило, пользуются такой знаковой системой, как нормальный язык, который по своей сути является изменчивым, то, соответственно, они вынуждены ее уточнять. В целом такого рода уточнение нормального языка влечет за собой выбор одного из нескольких возможных понятийных аппаратов, которые потенциально содержатся в системе

допустимых значений его выражений. Опираясь на все эти утверждения, Айдукевич настаивает на том, что если один из доксогентов — P_1 — выбрал для себя среди множества возможных понятийных аппаратов некоторый выделенный — « $\delta_1^{P_1}, \delta_2^{P_1}, \dots, \delta_n^{P_1}$ », то он может сконструировать некоторую вполне определенную концепцию — Δ_1 , которую он выражает в своем языке, являющимся так или иначе вариантом нормального языка, но тогда, в свою очередь, другой доксогент — P_2 , использующий иной из потенциально содержащихся в нормальном языке понятийных аппаратов — « $\delta_1^{P_2}, \delta_2^{P_2}, \dots, \delta_n^{P_2}$ », при помощи этого аппарата не сможет ухватить эту концепцию — Δ_1 — и не сможет ее выразить в своем языке. Отсюда, соответственно, все, что может сделать этот другой доксогент — P_2 , при помощи того понятийного аппарата, каким он пользуется — « $\delta_1^{P_2}, \delta_2^{P_2}, \dots, \delta_n^{P_2}$ », — это произвести своего рода «семантический эксперимент», то есть сконструировать иную концепцию — Δ_2 , которая, как ему кажется, является максимально приближенной к концепции Δ_1 , построенной первым доксогентом — P_1 , и которую он при помощи своего понятийного аппарата снабжает терминами, одинаково звучащими с теми, которыми первый доксогент — P_1 — снабдил свою концепцию — Δ_1 , показывая тем самым ее абсурдность. С учетом вышеописанной изменчивости нормального языка любые споры на темы онтологии, то есть споры о природе предметности того или иного типа, происходящие при помощи этого же языка, как считает Айдукевич, должны привести к хаосу: ведь разные доксогенты, уточняя этот язык, так или иначе приходят к онтологическим утверждениям, звучащим как взаимно исключающие мнения. По сути, хаос состоит именно в том, что сохраняется видимость, согласно которой якобы все доксогенты, использовавшие один и тот же нормальный язык, говорили одним языком, а значит, употребляли выражения и, в особенности, вполне определенные совокупности терминов — « $\delta_1, \delta_2, \dots, \delta_n$ » в одном и том же смысле, а это, в свою очередь, сохраняет видимость того, что сторонники этих взглядов будто бы действительно высказывали несогласуемые утверждения, тогда как эти утверждения совершенно не противоречат друг другу, поскольку принадлежат к различным и взаимно непереводаемым языкам, а отсюда, соответственно, четко осознавая различия этих языков, не следует, выбрав для себя в путанице допустимых в естественном языке возможностей некий определенный язык — J_n , считать, что ошибаются все те, кто в своих языках — J_{n+1} — провозглашают утверждения, звучащие противоречиво с утверждениями, принятыми в выбранном языке — J_n .

Понимание необходимости и возможности логико-семантического анализа, согласно которому такие особые термины, как доксомы, являются принципиально омонимичными и, следовательно, получают свое значение исключительно в процессе доксоморфного дискурса, признавалось еще Айдукевичем, и именно поэтому, когда, анализируя существующие на то время конструкции значения понятия — ассоционизм и теорию коннотаций Милля, он указывал на их несостоятельность. Так, с одной стороны, ассоционизм, полагающий значение психическим переживанием, соединенным с понятием, Айдукевич считал полностью ошибочной теорией, которую никакой модификацией не удастся защитить,

именно вследствие содержащегося в ней психологизма как основного ее недостатка, хотя, с другой стороны, Айдукевич отвергал и коннотационную теорию, которая, несмотря даже на то, что он оценивал ее как более удовлетворительную по сравнению с ассоцианизмом, требует значительных улучшений. Опираясь на проведенную критику, Айдукевич делает важнейший вывод, который сводится к тому, что, поскольку ни один из существующих путей определения значения понятия не ведет к успеху: ни поиск значения в психике — ассоцианизм, ни поиск значения в самих вещах, или в реальности — теория коннотации, — то правильным является третий путь, состоящий в нахождении значения в самом языке [2. С. 173—185; 5. С. 138—172], что, собственно, и предполагает предложенная выше процедура сертификации.

Таким образом, доксомы, или термины, используемые доксогентами в своих нарративно-оформленных мнениях, по сути своей принципиально омонимичны, что создает условия для неустранимой смысловой множественности, которая, в свою очередь, лежит в основании отсутствия одного-единственного или «идеального» нарративно-оформленного мнения, к которому можно было бы редуцировать все возможное многообразие мнений о некотором предмете.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Особый интерес для дискуссий, связанных с обсуждением природы универсалий, представляют следующие исследования: Абеляр, 2001, с. 412; Айдукевич, 2000, с. 173—185; Аристотель, 1975, с. 91—116; Иоанн Солсберийский, 2001, с. 497—505. Оригинальный взгляд на проблему универсалий и, в частности, их интересную классификацию предлагает исследование Купарашвили. 2003. С. 210—225. Весьма интересной представляется позиция Ф.П. Рамсея, отмечавшего, что проблема универсалий в логической перспективе есть лишь следствие попытки установления и объяснения различия в способах функционирования субъекта и предиката суждения, постепенно приведшей к тому, что универсалия, часто определяемая как *неполная* конституента атомарной пропозиции, соединяющая в рамках данной атомарной пропозиции прочие конституенты, превращалась из функционального символа в имя объектов или свойств [10. С. 81—100].
- (2) При этом под «омонимичностью» понимается то, что доксомы служат знаками «омонимичных вещей», то есть таких вещей, у которых имя общее, а понятия разные [3. С. 166], а это в целом означает, что термин, противоположный «омонимии», такой, как «синонимия», можно применять только в таких случаях — если таковые бывают — когда присутствует тождество не только по референции, но и по содержанию, или интенционалу понятия.
- (3) Следует отметить, что по своим свойствам и функциям сертифициаторы, по сути, представляют собой интенциональные операторы наподобие тех, которые использует Д. Льюиз при анализе истинностного значения предложений, формируемых в рамках художественного дискурса. Согласно Льюизу, выражение, содержащее интенциональный оператор, присоединяясь к некоторому предложению « χ », образует новое предложение « ${}_n\chi$ », отличное по смыслу и, соответственно, по истинностному значению от исходного, поскольку предложение « χ », взятое само по себе, в отсутствие присоединяемого оператора, эксплицитного или молчаливо подразумеваемого, разделяет общую судьбу всех субъектно-предикатных предложений с субъектными терминами без денотата — такому предложению либо автоматически присваивается ложность, либо указывается на отсутствие у него истинностного значения [9. С. 48—68].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Абеляр П.* Глоссы к «Категориям» Аристотеля // Антология средневековой мысли. — СПб.: РХГИ, 2001. — Т. 1.
- [2] *Айдукевич К.* К вопросу об универсалиях // Логос. — 2000. — № 1.
- [3] *Аристотель.* Метафизика. — СПб.: Алетейя, 2002.
- [4] *Аристотель.* Об истолковании // Сочинения в 4 т. — М.: Мысль, 1975. — Т. 1.
- [5] *Домбровский Б.* Мир языка Казимира Айдукевича // Логос. — 2000. — № 1.
- [6] *Иоанн Солсберийский.* Металогикон // Антология средневековой мысли. — СПб.: РХГИ, 2001. — Т. 1.
- [7] *Карпович В.Н.* Термины в структуре теорий: Логический анализ. — Новосибирск: Наука, 1978.
- [8] *Купарашивили М.Д.* Сумма трансценденталий: Онтология разума. — Омск: Омский государственный университет, 2003. — Ч. 1.
- [9] *Льюиз Д.* Истина в вымысле // Логос. — 1999. — № 3.
- [10] *Рамсей Ф.П.* Универсалии // Философские работы. — Томск: Томский государственный университет, 2003.

DOXOMA: SIGN IN LOGIC STRUCTURE OF OPINION

A.V. Nekhaev

Omsk Tank Engineering Institute Named P.K. Koshevoy
Omsk-98, 664098

In article is offered the logic-semantic analysis of doxoma — the special term acting in quality proper name of a subject of narrative structures of normal language determined by the logic form of opinion.